

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

Тарих сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК КазНУ

Серия историческая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

KazNU BULLETIN

History series

№2 (81)

Игибаев С.К.

**Общественный строй казахов
до Октябрьского переворота
1917 года в историографии**

В данной статье в историографическом аспекте рассматривается общественный строй казахов до Октябрьского переворота 1917 года. Автор статьи С.К. Игибаев на основе анализа монографических исследований и источников приходит к выводу о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. социально-экономический уровень казахского общества был вполне феодальным, а не патриархально-феодальным. Отдельные элементы патриархального уклада, сохранившиеся в условиях колониальной системы, не стали определяющими в общественном строе казахов. В недрах феодальных отношений зарождался и развивался капиталистический уклад, шел процесс формирования рабочих и казахской буржуазии.

Ключевые слова: хан, султан, торе, ходжа, бий, тархан, дворянин, феодал, бай (богач), кедей (бедняк), толенгут, раб.

Igibaev S.K.

**Historiographical aspect the
social system of the Kazakhs
before the October Revolution
of 1917**

This article examines in the historiographical aspect the social system of the Kazakhs before the October Revolution of 1917. The author, S.K.Igibaev, based on the analysis of monographic studies and sources, comes to the conclusion that in the second half of XIX-early XX centuries, the socio-economic level of the Kazakh society was quite feudal but not patriarchal-feudal. Some elements of the patriarchal mode, preserved under the colonial system, were not decisive in the social system of the Kazakhs. In the depths of feudal relations, the capitalist system appeared and developed, it was a process of formation of the workers and Kazakh bourgeoisie.

Key words: khan, sultan, torus, Khoja, Bii, Tarhan, nobleman, the lord, bai (rich man), kedey (poor man), tolungut, slave.

Игібаев С.К.

**1917 жылғы Қазан төңкерісіне
дейінгі қазақтардың қоғамдық
құрылысының тарихнамасы**

Бұл мақалада 1917 жылғы Қазан төңкерісіне дейінгі қазақтардың қоғамдық құрылысы тарихнамалық деңгейде қарастырылған. Мақаланың авторы С.Қ. Игібаев, монографиялық еңбектер мен деректерді саралаудың нәтижесінде XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басында қазақ қоғамының әлеуметтік-экономикалық деңгейі патриархалдық-феодалдық емес, ол, айтарлықтай феодалдық болғаны жөнінде қорытындыға келіп, қазақ халқының тұрмысында кездесетін кейбір патриархалдық сипаттағы әдет-ғұрып қазақ қоғамының деңгейін сипаттайтын анықтама бола алмайтынын, феодалдық қоғамның негізінде капиталистік қатынастардың белгілері пайда болып, дами басталғаны, жұмысшы мен қазақ буржуазиясының қалыптасу үрдісінің жүргенін көрсеткен.

Түйін сөздер: хан, сұлтан, төре, қожа, би, тархан дворян, феодал, бай, кедей, төлеңгіт, құл.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЗАХОВ ДО ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА 1917 ГОДА В ИСТОРИОГРАФИИ

В исторической науке утвердилось мнение о том, что в VI-VIII вв., в период тюркского каганата, происходило становление феодальных отношений. В истории Казахстана 1996 года написано: при всей пестроте социально-экономических и политических отношений в Западнотюркском каганате, многообразии форм господства и подчинения ясно, что в «Западнотюркском каганате шел процесс образования классов и сравнительно быстрого формирования раннефеодальных общественных отношений» [1, 303]. В основе структуры Караханидского государства (X – 40-е годы XII в.) лежала феодальная по своей сути удельная система. Государство было разделено на ряд крупных и более мелких областей – уделов во главе со своими правителями. Б.Я. Владимирцов утверждал, что улус не был институтом первобытно-общинного строя. Улус не является ни родом, ни племенем, т.е. «стоял над родоплеменными институтами» [1, 410]. Академик В.В. Бартольд (1869-1930), исследовав историю созданных тюрками (турками) государств Караханидского и Сельджукского в конце X и в первой половине XI в., рассматривал их как новый этап в развитии средневекового общества Мавераннахра, Хорезма и Хоросана, выразившийся в утверждении политического господства тюркской военно-кочевой знати, социальной базой которой стало условное военно-ленное землевладение – института икта, существовавший и при саманидах, но получивший гораздо более широкое распространение при караханидах и сельджуках в XI веке; с этим процессом было связано усиление власти владетелей уделов и земель икта, за счет ослабления центральной государственной власти [2, 27].

В период господства карахитаев в общественном строе народов Средней Азии и Казахстана не произошло кардинальных изменений.

Исследователь истории монголов Б.Я. Владимирцов (8(20) июля 1884 – 17 августа 1931) создал концепцию монгольского кочевого феодализма, основанного на собственности как на пастбищах, так и на скот. Он в работе «Общественный строй монголов», опубликованной в 1934 году, после его смерти, рассматривал общество времени Чингиз-хана как феодальное. Наиболее ярким выражением кочевого феодализма у монголов

в XIII веке, по мнению Б.Я. Владимирцова, явились «вассально-сеньориальные отношения» [3, 82]. Владимирцов пишет: «В древне-монгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей выражалось в том, что ноян, т.е. феодальный сеньор, царевич или «тысячник» руководил кочеванием зависящих от него людей (улус), направлял их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбища, уголья и указывая стоянки в определенных местах. Феодальный сеньор был действительно господином – «еженом», распорядителем пастбищных территорий» [4, 67]. Кроме зависимого простого народа – «черни», у монголов имелись рабы и вольно-отпущенные из числа рабов.

С.Д. Асфендияров (1889-1938) отметил заслугу академика Б.Я. Владимирцова и подчеркнул, что он первый начал исследовать вопросы среднеазиатского феодализма и солидаризуясь с его теорией о «кочевом феодализме» у монголов, стал изучать общественный строй казахов до советского периода на основе привлечения источников. У казахов, – пишет С.Д. Асфендияров, – феодальная иерархия [5], во главе которой стояли ханы и султаны, ведшие свое происхождение от Чингиз-хана. Далее имеются вассалы ханов в лице: батыров, биев, мергенов. Сохраняются даже те же названия. Нояны, тайшы у казахов употребляются в смысле «большой, знатный человек». То же явление отмечается и у узбеков, киргизов, ногайцев и др. При завоевании среднеазиатского оазиса наблюдается постепенное исчезновение родовых пережитков, однако старые монгольские названия сохранились значительно видоизмененные. Так, монгольское «тумен», «темник» в Бухаре и Хиве стали впоследствии применяться как название административной единицы – уезда (ср. германскими сотнями и графствами); «тысячник» превратился в «мин-баши» – низшая административная должность. Монгольское слово «хошун» – войско, превратившееся впоследствии у монголов в название небольшого удела, у узбеков, казахов и др. среднеазиатских народов сохранило старый смысл [4, 69].

У кочевых народов Центральной и Средней Азии, – утверждал С.Д. Асфендияров, – классовая структура является феодальной. Феодалы – владельцы крупных стад также присваивали львиную долю богатства, захваченного на войне, и регулярно взимали дань с покоренных народов. Феодалы являются одновременно и организаторами торговли.

«Родовой строй» основной массы народов Центральной и Средней Азии при ближайшем

рассмотрении «оказывается носящим черты, присущие феодальным отношениям» [4, 65].

С.Д. Асфендияров выделил роль тюрко-монгольских народов в процессе развития среднеазиатского феодализма и провел аналогию между ролью, которую играло германское завоевание античного мира в создании западно-европейского феодализма и ролью тюрко-монгольского завоевания Средней Азии в генезисе феодализма.

Казахское общество XVI – начало XX вв. было многосословным. К высшему сословию принадлежали ханы и султаны, причислявшие себя к потомкам Чингизхана и представлявшие «белую кость». Хань и султаны в своей орде управляли народом и распоряжались землей. В земледельческих районах хан собирал ушур – 1/10 часть урожая с казахов-земледельцев. В скотоводческих регионах собирался в пользу хана и султанов зякет. При разбирательстве дел хан получал судебную пошлину, так называемый «канлык», составляющую обычно 1/10 часть иска. Царское правительство, отменив своим указом в 1822 году ханскую власть в Среднем жузе, в 1824 году в Младшей орде, ограничил полномочия султанов. В «Уставе Сибирских киргизов» говорится: «§ 275. Султаны над подведомственными им казаками не имеют права ни владетеля, ни помещика, но суть только волостные правители, от высшего начальства с согласия народа поставленные» [6, 422]. Царское правительство признало привилегированное положение султанов. В Уставе 1822 г. говорится: Султаны составляют высшее и почетнейшее между казаками сословие и освобождаются от телесных наказаний [6, 423], Ходжи (кожа), потомки Мухаммеда, отправитель всех духовных потребностей народа, также не подвергались телесному наказанию. На мусульманском востоке, – утверждал Ч.Ч. Валиханов, – потомки пророка пользуются особым уважением и «под именем сеидов, шейхов, ходжей, эмиров составляют особый привилегированный класс дворянства» [7, 10]. С.Д. Асфендияров писал, что кожа, конкурируя с «баксы» – знахарем, шаманом, занимается также исцелением больных. «Ходжи становится крупной феодальной группой, которая в союзе с светскими феодалами и аксакалами эксплуатируют массы» [4, 113]. Хань, султаны, ходжи представляли сословие благородных – «торе». Но казахские ходжи не занимали высокую светскую власть как в Восточном Тюркестане или в Кокандском ханстве.

Народные массы, кроме торе, назывались «бухара», или караша – «черный народ». Бии

– рудоуправители, аульные управители – старшины (аксакалы), а также тарханы, мурзы, батыры до реформы 1868 г. владели пастбищными и земельными угодьями. Устав 1822 года разрешал казахам иметь недвижимую собственность (§ 279). А.К. Гейнс отметил, что ханша Айганым по смерти Валия получила от императора Николая (прим. правильно: Александра I) в потомственное владение обширную землю в 100 кв. верст [9, 256]. По данным исследователя, казахи «владеют зимовками: 1) как высочайшими подарками, 2) по документам и по наследству. В последнем случае порядок владения аульной зимовкой полуобщинный, полупатриархальный. Зимовка называется по имени родоначальника, точно так же, как аулы близких родичей, кочующих вместе. В случае требований родоначальник производит выделение земли для родичей, которые требуют раздела. Иногда после того между родоначальником и выделившимся возникают споры и часто первый, пользуясь своею силою и влиянием, отнимает зимовку у последних. Тогда возникает тяжба, решаемая судом биев» [9, 259-260]. В процессе феодализации казахского общества часть родовых старшин-биев выступала уже как представители «более передовой – феодальной экономики» [8, 178]. П.С. Паллас (1741-1811), руководитель экспедиции Академии наук 1768-1774 гг. обратил внимание на сословие казахов: ханы, султаны, а также есть и другие чины, а именно дворяне, бии именуемые; почетные люди старинного поколения, ходжа и мурзы называемые. А.И. Левшин (1797-1879) считал, что в 20-30-х годах XIX в. кровно-родственные, т.е. патриархальные отношения не соблюдались в казахском обществе «и почти все связи основаны на личных выгодах каждого» [6, 330]. Казахи, – пишет А.И. Левшин, – живущие вдали от российских границ, не признавая ни владычества России, ни властей ею поставляемых, управляются самопроизвольно избранными старейшинами (аксакалами), биями, батырами и султанами. Эти правители, равно как начальники российским правительством утвержденные, не целыми, без исключения родами, отделениями повелевают, но толпами или партиями, часто составляющимися из казахов «разных родов, разных поколений, иногда даже разных орд» [6, 364].

А.И. Левшин дал определение понятию батыр. Людей, проявивших удалство, народ считает храбрыми и дает название батырей или богатырей и прославляют их во всех ордах. Многие из них, давно уже оставившие свет, еще живут

в памяти потомков, а имена их воспеваются как имена людей, составляющих украшение и славу народа. Он писал: Тамерланов багадыр (багадур), казахский батыр, монгольский батур, означает одно и то же понятие, напоминают нам русских богатырей. Все эти слова имеют одни корни. Бох, или бог значит по-турецки: мощный, сильный, господин [6, 328], то есть, по определению А.И. Левшина: батыр значит мощный, сильный, господин.

Лица, преимущественно батыры, проявившие усердие по службе и преданность правителю, получали тарханство, которое приравнивалось к дворянству. Тарханство присваивало и российское государство. Тархан находился в привилегированном положении, был близок ко двору ханов и султанов, получал землю там, где ему нравится, за исключением ханских и царских владений. Тархан – привилегированное сословие, приравнивался к дворянству и звание тархана передавалось по наследству.

Прислужников ханских и султанских казахи называли тюленгутами (төлөнгiт). Это была социальная группа, состоящая из казахов разных родов, а также представителей других народов, которые находились на службе у казахской аристократической элиты. А.И. Левшин называет их теленгутами, и они «принадлежат вообще к простому народу и пользуются одинаковыми с ними правами. Г. Клапрот, говоря о теленгутах, живших около озера Телецкого, полагает их монголами, забывшими свой язык и принявшими турецкий» [6, 292].

«Институт толенгутов, – утверждал С.Д. Асфендияров, – является без сомнения феодальным институтом, совершенно аналогичным европейскому и русскому» [4, 122]. Каждый казахский хан и большинство султанов имели лично от них зависимых людей – толенгутов. Толенгуты имели свои хозяйства, но находились в полной зависимости и эксплуатировались ханами, султанами и кочевали вместе с ними. Часть толенгутов несла военную службу у ханов. Толенгутская верхушка занимала привилегированное положение. Толенгуты были ближайшими советниками хана (ср. мажордомов европейских феодалов). Многие толенгуты принадлежали и к другим народам (калмыкам и др.), но в большинстве совершенно ассимилировались с казахскими и отличались от прочих казахов тем, что были в полной зависимости от ханов и султанов, были их «людьми» (казахская поговорка гласит: «толөнгүт торенді күт», т.е. «толөнгүт обслуживай своего торе (султана)»).

Число толенгутов было довольно значительным: Аблай хан имел 5000 хозяйств толенгутов, Кенесары – 1000 хозяйств и т.д. Составлялись толенгуты и из казахов, прибегавших к покровительству того или иного султана и становившихся их зависимыми людьми. Так, например, султан Тезек имел 100 хозяйств толенгутов из рода джалаир (Дело пристава Большой орды, Каз. Центроархив) [4, 122].

Свобода толенгутов стала ограничиваться. М.П. Вяткин (1895-1967) утверждал: «Но в 30-х годах XIX в. положение толенгута приближалось к положению крепостного. Притязания султанов находили решительный отпор со стороны толенгутов, которые считали себя свободными людьми» [10, 10].

Бай (богач) – скотовладелец или торговец-купец. Казахское купечество отражено в Сенатском указе от 13 июня 1744 года за № 8992а. Казахи причислены в купечество как сословие 21 января 1835 г. Высочайше утвержденным положением Сибирского комитета (№ 7782).

В результате усиления социального расслоения общества увеличилось число бедноты. Часть шаруа, оставив скотоводческое хозяйство, перешла к оседлому образу жизни, занимаясь, при возможности, земледелием, или были в работниках. Их называли жатаки (т.е. лежащие). Они пополняли ряды егинши – земледельцев. По данным А.И. Левшина, множество бедных, или так называемых байгушей переходят внутри границ России, но большая часть их, не взирая на спокойствие, которым теперь пользуются, и на богатства, которые приобрели в России, желают возвратиться на Родину. Байгуши, живущие у русских в работниках, нажив что-нибудь порядочное, «спешат к своим соотечественникам в орды; из 7 или 8000 кибиток, водворившихся в Астраханской губернии, почти третья доля в 1820 году возвратилась в прежние кочевья. Мы не могли без особенного удовольствия смотреть на сих последних, когда они, перешед через Урал и ступив на отечественный берег свой, прыгали от радости и целовали землю» [6, 330].

В социальной структуре казахского общества в низшем положении находились рабы (кулы) – невольники. Они известны в обществе казахов с древнейших времен. Рабство сохранилось как уклад до середины XIX века. В исторической науке отсутствуют исследования монографического характера, посвященные непосредственно изучению данной проблемы. Сведения о кулах не стали объектом самостоятельного изучения. Источником пополнения рабов были военноплен-

ные. Рабы «почитаются товаром или вещью и не принадлежат, – как утверждает А.И. Левшин (1797-1879), – к киргизским поколениям, но состоят из пленных русских, персиян, калмыков и проч.» [6, 292]. Кулы пасли скот и выполняли другие хозяйственные работы своего хозяина. Их продавали, покупали и выменивали на скот и беркутов. А.И. Левшин приводит следующие сведения о положении кулов: «Над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется. За убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу» [6, 369]. Во время больших праздников «у знаменитых богачей первого приза иногда назначается до 100 лошадей, или несколько невольников» [6, 343]. А.И. Левшин привел текст указа «О сибирских киргизах 1822 года», где говорится: «§ 277. Невольники, ныне находящиеся у киргизов, остаются при их владельцах с правом продажи, передачи и наследственного владения, но строго запрещается вновь приобретение в неволю природных киргизов» [6, 422]. Последние абзацы этого параграфа отменяют покупку казахских детей российским подданным [11, №23040].

Обычно казахские рабы по прошествии некоторого времени, а их потомство обязательно, получали кибитку и несколько голов скота. Рабу разрешали жениться и обзавестись хозяйством. Такой «наделенный средствами производства зависимый человек по своему классовому положению становился уже не рабом, а феодально зависимым кочевником-скотоводом. Таким образом, с одной стороны, свободные общинники-казахи, а с другой стороны, прежние рабы превращались в феодально-зависимых людей» [8, 129-130]. Россия принимала беглых рабов, если они принимали христианскую веру.

«У казахов, – отмечал С.Д. Асфендияров, – существовало патриархальное рабство, торговля рабами и частичное использование рабов в хозяйстве. Существовали среди казахов рабы, которые обзаводились своим хозяйством, полностью ассимилировались с казахами, женились на казашках, уравнивались в правах с остальными казахскими массами. Были целые аулы, которые считались потомками бывших (кулов)» [4, 120-121].

В конце XIX века произошли существенные изменения в сословном составе казахов. Численность казахского населения, по нашим подсчетам, на основе материалов Первой всеобщей переписи Российской империи, составляла

4091746 человек. Подавляющее большинство казахов (99,74%), проживавших на своей исторической родине, отнесено к сословию «инородцев». В составе крестьянского сословия было 0,17% (6988 человек) казахов, а в составе мещан 0,06% (2355 человек) казахов, проживавших в четырнадцати административных делениях. В составе потомственных (997) и личных (180) дворян было 0,03% (1177 человек) от общей численности казахов, проживавших в 14-ти областях и губерниях. В составе войсковых казахов было 693 казаха. К сословию «потомственных и личных почетных граждан» принадлежали 217 казахов [12, 76] и т.д.

В исторической науке до середины 30-х годов XX в. существовало разное мнение в установлении уровня общественного строя казахов до Октябрьского переворота. В 1934-1935 гг. в Коммунистическом университете трудящихся Востока состоялась дискуссия о казахском феодализме. Ее итоги нашли отражение в печати [13]. Большинство участников дискуссии характеризовали общественный строй казахов до Октября как обществом патриархально-феодальным. Это определение стало господствующим в истории Казахстана до сегодняшнего дня; несмотря на то, что опубликованы солидные научные труды, рассматривающие общественный строй казахов как феодальный, на базе которой происходил процесс сложения капиталистического уклада в экономике дореволюционного Казахстана.

Т. Рыскулов (1894-1943) в 1926 году считал, что к моменту перехода в русское подданство (1730 г.) у казахского народа «господствовал чисто патриархально-родовой строй... Наряду с родовым строем у казахского народа тогда существовали уже незначительные зачатки и феодальных отношений» [14, 155]. К 1900 г., – пишет Т. Рыскулов, – в связи с усилением колонизации и внедрением торгового капитала натуральные хозяйства вытесняются товарно-денежными; возникают новые формы смешанных скотоводческо-земледельческих и чисто земледельческих хозяйств. «К этому времени не только идет полным ходом разложение родового строя, но и окончательно ликвидируются первоначальные зачатки феодальных моментов в казахской жизни» [14, 156]. Автор, на наш взгляд, противоречит самому себе, утверждая о превращении родовых общинных владений в собственность: «...еще в XIX веке в связи с оседанием казахских родов на определенной территории начало практиковаться превращение родовых общин-

ных владений в собственность: более сильные казахские роды тогда завладевали лучшей территорией. И этот процесс в предреволюционный момент уже стал происходить... внутри каждого рода» [14, 157]. Т. Рыскулов в 1926 г. 10 июня в газете «Советская степь» признал, что патриархально-феодальные, классовые отношения играют первенствующую роль в дореволюционном Казахстане, а не родовые факторы. Однако, – утверждал автор, – родовые факторы прослеживаются во всех явлениях аульной жизни, включая быт. Пережитки родовых отношений есть, но в роли орудия в руках казахских эксплуататорских элементов, которые используют родовые обычаи и пережитки для прикрытия своей эксплуатации.

Казахское байство, – считал Т. Рыскулов, – «является как раз представителем казахской зарождающейся буржуазии (если позволительно так выразиться), претендующей на формирование казахской нации» [15, 126].

А.П. Чулошников в 20-е годы XX в. Характеризовал общественный строй казахов, как строй чуть ли не патриархально-родовой. Продолжая исследование, он впоследствии отказался от своих ошибочных взглядов и в 1936 году признал классовый, феодальный характер производственных отношений в казахском обществе.

С.Е. Толыбеков (1907-1995) в своих исследованиях [16], отвергая концепцию академика Б.Я. Владимирцова и его последователей о господстве феодального способа производства у средневековых кочевых народов, считал, что в казахском обществе с XVII до начала XX века господствовали патриархально-феодальные отношения и делил эти отношения на два периода: «Первый период, освещаемый в работе, охватывает время с XVII и до середины XIX в. и характеризуется господством более отсталой формы патриархально-феодальных отношений в кочевом обществе казахов, а второй – со второй половины XIX и до начала XX в. – дальнейшим развитием патриархально-феодальных отношений в сторону феодализации с элементами капиталистических производственных отношений» [17, 32]. Вместе с тем автор, ссылаясь на данные переписи 1920 г. по КазССР (без Сырдарьинской и Семиреченской областей) показал преобладание хозяйств земледельческого района (53%) над скотоводческим кочевым районом (25%), считая кочевое хозяйство в начале XX века – пережитком кочевого образа жизни казахов XV – XVIII веков.

А.Е. Еренов считает казахское общество феодальным: «В Казахстане одновременно с возникновением казахской феодальной государственности возникло и феодальное право, выступавшее как обычное право» [18, 68]. Казахское феодальное общество, – пишет А.Е. Еренов, – состояло из улусов, возглавляемых султанами. А.Е. Еренов утверждает о бесспорности частной земельной собственности у кочевников-скотоводов. «Эта собственность представляет собой в основном иерархическую форму землевладения, появляющуюся в противовес общинной форме собственности, господствовавшей при родовом строе» [18, 151].

Правителю хуннов Модэ (246-174 гг. до н.э.), создавшего сильное государство, покорившего «весь Туркестан от Хами до Каспийского моря» [19, 58], вождь Дун-ху отправил посланца сказать ему, что лежащая за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, не удобна для них, а он желает иметь ее. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: это неудобная земля; можно отдать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?» [19, 48]. Всем советовавшим отдать землю Модэ отрубил головы. Его меткое слово о земле на многие века стало девизом многих кочевых народов.

Колониальное положение Казахстана не позволило казахам владеть собственной землей. Царизм со второй половины XIX века на основе временного положения об управлении степными областями 1868 г. проводил аграрную политику, отвечающую интересам не только помещиков, но и буржуазии, решительно наступая на жизненные интересы простого народа – крестьян. Положение 1868 г. расширило источники обогащения государства за счет земли. Земля Казахстана объявлена государственной собственностью. Право русских крестьян-общинников на отведенную им землю было номинально. В случае «отказа общины в предоставлении заявленного участка в аренду промышленникам эти наделы крестьян переходили в пользование промышленников на правах свободной казенной земли» [20, 32]. Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г. подтвердило положение 1868 г. о земле. Статья 119 Степного положения 1891 г. гласит: «Земли, занимаемые кочевьями, и все принадлежности с их земель, а в то числе и леса признаются государственной собственностью». 120 статья положения: земли,

занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников на основании обычаев и правил сего положения. Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства Государственных имуществ. В разъяснение 126 ст. Степного положения Государственный Совет информирует, что имеющиеся в степи земельные излишки могут поступать в распоряжение государства не прежде, чем будут удовлетворены земельные нужды всего местного населения. Однако этот пункт, предназначенный на землеустройство безземельных казахов, не выполнялся ни временными партиями по образованию переселенческих участков в степных областях, ни государством. Депутат 1-й Государственной Думы Т. Седельников (1876, по другим данным 1871-26 мая 1930), поработавший непосредственно в течение семи лет в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской межевым техником, был непосредственно знаком с деятельностью временных партий по образованию переселенческих участков в степи и работами экспедиции по исследованию степных областей, образованный известным статистиком Ф.А. Щербиною. Он также два года (1904 и 1905) проработал в качестве статистика и произвел самостоятельный опрос представителей более 30 кочующих волостей Уральской, Закаспийской и частью Тургайской области и 7 оседлых волостей Уральского и Темирского уездов. Т. Седельников осенью 1905 года, на основе статистических исследований, в Оренбурге прочитал публичный доклад: «Борьба за землю в Киргизской степи и колонизационная политика правительства». Докладчик отметил нарушение прав казахского населения в землепользовании даже на основе Степного положения. В настоящее время, подчеркнул Т. Седельников, когда еще совсем даже и не начато ни межевание степи, ни поземельное устройство казахов, «всякие работы по использованию якобы «излишних киргизских земель» лишены совершенно какого бы то ни было юридического основания и потому являются сплошным беззаконием». И на каком основании вообще отбираются казахские «излишние земли», раз «не соблюдены необходимые для того предварительные условия: межевание степи и поземельное устройство всех туземцев» [21, 61-62, 64].

Т. Седельников, хорошо знавший жизнь казахов, обнаружил в казахском обществе не патриархальные, не родовые отношения, а вполне феодальные, а в северных оседлых регионах

– буржуазные. В кочевых районах, – заметил Т. Седельников, – богатый и бедный кочевник не могут столкнуться в сфере землепользования и поэтому ходатайства богатых кочевников об улучшении судьбы их обедневших родичей путем отхода им на севере определенных земельных наделов для самостоятельного оседлого хозяйства являются вполне понятными и естественными. Эта солидарность проявляется у кочевников в более осязательной форме: «Кочевники богатые отдают нередко часть своего скота в безвозмездное пользование менее состоятельным и даже бедным с одним условием, чтобы те брали на себя пастьбу и вообще уход за этим скотом» [21, 93]. «Базар» и «Ярмарка», благодаря изменившимся условиям и потребностям жизни, настолько глубоко въелись даже «в хозяйство чистых кочевников и настолько прочно связали его с капиталистическим мировым рынком, что порвать эту связь уже совершенно невысказимо» [21, 50].

В оседлых районах казахи, принадлежащие иной раз к совершенно различным родам, прежде постоянно враждовавшими между собою, уживаются даже в пределах одной земельной общины. «Солидарность по крови, по происхождению, уступает место солидарности по расчету» [21, 36]. Предприимчивый казах-северянин, путем «разных чудовищно-кабальных ссуд и других долговых сделок, имеет полную возможность держать в руках своих менее обеспеченных одноаульцев, самым широким образом эксплуатируя их» [21, 92]. В оседлой степи, чем где бы то ни было, в наиболее грубой, «ничем не прикрытой форме наблюдается типичное явление буржуазного общественного строя: богатый имеет власть, а имеющий власть обогащается» [21, 92-93]. В северных частях Акмолинского и Атбасарского уездов и в уездах Кустанайском, Актюбинском и Уральском казахи ведут «в широких размерах земледельческое хозяйство по тому же типу, какой наблюдается в соседних казахских и переселенческих поселках. Они охотно приобретают косилки, жнейки, железные плуги и даже молотилки и настолько вошли во вкус этой новой жизни, что уже с гордостью заявляют: чему еще могут научить нас русские в хозяйстве! Теперь мы сами их можем учить!» [21, 14].

Вместо фактически существующего, – отмечал Т. Седельников, – но не выгодного бедным

пользования землею «по количеству скота, по благосостоянию», они добиваются, чтобы земля давалась по душам, одинаково, как для многоскотных, так и для совсем бедных. Иначе говоря, «малосостоятельные слои оседлого населения степи уже доросли до сознания личного права на землю, сродняющего их психологию с психологией малоземельного крестьянства» [21, 93].

Г. Тогжанов, автор монографий «О казахском ауле», Кызыл-Орда, 1927 г.; «Казахский колониальный аул», М., 1934 г., утверждал, что уже до присоединения Казахстана к России сложившимися и господствующими производственными отношениями в байском и султанском хозяйстве являлись феодальные отношения. Эти отношения Г. Тогжанов оценивал на уровне формации. Он подчеркивал, что пережитки и остатки родового строя представляли лишь внешнюю оболочку общественных отношений и служили баям орудием угнетения и закабаления трудящихся масс. Казахский феодализм после присоединения к России изменил свой характер. Царизм ликвидировал самостоятельные казахские ханства, но это вовсе не означало ликвидацию феодального строя в Казахской степи. Во второй половине XIX в., с проникновением в Казахстан русского торгового капитала, казахские феодалы приспособляются к потребностям рынка и перестраивают свое хозяйство. По мнению Г. Тогжанова, в условиях казахских, феодальные отношения определялись не столько монополией феодала на землю, сколько монополией на скот, а также наличием у казахов крепостнических отношений. (Г. Тогжанов отождествлял толенгутов с крепостными крестьянами).

Социально-экономический уровень казахского общества второй половины XIX – начала XX века свидетельствует, что это общество, на наш взгляд, было вполне феодальным, но с отдельными сохранившимися элементами патриархального уклада в условиях колониальной системы. В недрах этого феодального способа производства зарождался и развивался капиталистический уклад, шел процесс формирования рабочих кадров и буржуазии. Так называемое патриархальное рабство перестало существовать. В казахском обществе поднимались и лозунги об отмене пунктов Степных положений 1868 и 1891 гг. о землепользовании казахов и о передаче земли в вечную им собственность.

Литература

- 1 История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 4 т.-Т.1.: Алматы: Атамұра, 1996. – 540 с.
- 2 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Т.1. – М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- 3 Игибаев С.К. Историография истории Казахстана: учебник. – Алматы, 2013. – 358 с.
- 4 Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. – 304 с.
- 5 Курсив выделен нами.
- 6 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
- 7 Валиханов Ч.Ч. [Записки об организации поездки в Кашгар] // Собр. соч.: в 5 т. – Т.3. – Алма-Ата, 1985. – С. 7-13.
- 8 История Казахской ССР / отв. ред. М. Абдыкалыков, А. Панкратова. – Алма-Ата, 1943. – 645 с.
- 9 Гейнс А.К. Из дневника 1865г. // Сбор. соч.: в 5т. – Т.5. – Алма-Ата, 1985. – С. 254-274.
- 10 Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII – начале XIX: Материалы по истории КазССР (1785-1828 гг.). – Т. IV. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- 11 ПСЗ – 1, 1808г. № 23040 мая 23-го. Им., дан. Сибир. генерал-губернатору Пестелю. О распространении правил о водворении киргизов и о покупке Российским подданным киргизских детей по всей Сибирской линии.
- 12 Игибаев С.К., Игибаева А.К. Казахи в составе России в конце XIX века: их численность, размещение, состав, занятия и образовательный уровень // Вестник КазНУ, сер. ист. – 2009. – № 4(55). – С. 72-84.
- 13 Большевик Казахстана. – 1936. – 22 ноября.
- 14 Рыскулов Т. Современный Казахстан // См. Избранные труды. – Алма-Ата: Казахстан, 1984. – С. 154-169.
- 15 Рыскулов Т. О «формировании казахской нации» и казахском пролетариате (По поводу статьи «Казахский пролетариат» тов. Брудного) // Избранные труды. – Алма-Ата: Казахстан, 1984. – С. 119-126.
- 16 Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVIII-XIX веках. – Алма-Ата, 1959. – 448 с.; Его же. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века. Политико-экономический анализ. – Алма-Ата, 1971. – 632с.
- 17 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. – Алма-Ата, 1971. – 632 с.
- 18 Еренов А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. – Алма-Ата, 1960. – 158 с.
- 19 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т.1. – Алматы, 1998. – 389с.
- 20 Игибаев С.К. Горная промышленность и земельный вопрос // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. – 1990. – № 3. – С. 26-33.
- 21 Седелников Т. Борьба за землю в Киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колониционная политика правительства). – СПб., 1907. – Переизд. – Алма-Ата, 1991. – 125 с.

References

- 1 Istorija Kazahstana s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 4.t.-T.1.: Almaty: Atamura, 1996. – 540 s.
- 2 Bartol'd V.V. Turkestan v jepohu mongol'skogo nashestvija. – T.1. – M.: Izd-vo vost. lit., 1963.
- 3 Igibaev S.K. Istoriografija istorii Kazahstana: uchebnik. – Almaty, 2013. – 358 s.
- 4 Asfendijarov S.D. Istorija Kazahstana (s drevnejshih vremen). – Alma-Ata: Kazak universiteti, 1993. – 304 s.
- 5 Kursiv vydelen nami.
- 6 Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej. – Almaty: Sanat, 1996. – 656 s.
- 7 Valihanov Ch.Ch. [Zapiski ob organizacii poezdki v Kashgar] // Sobr. soch.: v 5 t. – T.3. – Alma-Ata, 1985. – S. 7-13.
- 8 Istorija Kazahskoj SSR / otv. red. M. Abdykalykov, A. Pankratova. – Alma-Ata, 1943. – 645 s.
- 9 Gejns A.K. Iz dnevnika 1865g. // Sbor. soch.: v 5t. – T.5. – Alma-Ata, 1985. – S. 254-274.
- 10 Vjatkin M.P. Politicheskij krizis i hozjajstvennyj upadok v Maloj Orde v konce XVIII – nachale XIX: Materialy po istorii KazSSR (1785-1828 gg.). – T. IV. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1940.
- 11 PSZ – 1, 1808g. № 23040 maja 23-go. Im., dan. Sibir. general-gubernatoru Pestelju. O rasprostranenii pravil o vodvorenii kirgizov i o pokupke Rossijskim poddannym kirgizskih detej po vsej Sibirskoj linii.
- 12 Igibaev S.K., Igibaeva A.K. Kazahi v sostave Rossii v konce XIX veka: ih chislennost', razmeshhenie, sostav, zanjatija i obrazovatel'nyj uroven' // Vestnik KazNU, ser. ist. – 2009. – № 4(55). – S. 72-84.
- 13 Bol'shevik Kazahstana. – 1936. – 22 nojabrja.
- 14 Ryskulov T. Sovremennyj Kazahstan // Sm. Izbrannye trudy. – Alma-Ata: Kazahstan, 1984. – S. 154-169.
- 15 Ryskulov T. O «formirovanii kazahskoj nacii» i kazahskom proletariate (Po povodu stat'i «Kazahskij proletariat» tov. Brudnogo) // Izbrannye trudy. – Alma-Ata: Kazahstan, 1984. – S. 119-126.
- 16 Tolybekov S.E. Obshestvenno-jekonomicheskij stroj kazahov v XVIII-XIX vekah. – Alma-Ata, 1959. – 448 s.; Ego zhe. Kochevoe obshestvo kazahov v XVII-nachale XX veka. Politiko-jekonomicheskij analiz. – Alma-Ata, 1971. – 632s.
- 17 Tolybekov S.E. Kochevoe obshestvo kazahov v XVII – nachale XX veka. Politiko-jekonomicheskij analiz. – Alma-Ata, 1971. – 632 s.
- 18 Erenov A.E. Oчерki po istorii feodal'nyh zemel'nyh otnoshenij u kazahov. – Alma-Ata, 1960. – 158 s.
- 19 Bichurin N.Ja. Sbranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. – T.1. – Almaty, 1998. – 389s.
- 20 Igibaev S.K. Gornaja promyshlennost' i zemel'nyj vopros // Izvestija AN KazSSR. Serija obshestvennyh nauk. – 1990. – № 3. – S. 26-33.
- 21 Sedel'nikov T. Bor'ba za zemlju v Kirgizskoj stepi (Kirgizskij zemel'nyj vopros i kolonizacijnaja politika pravitel'stva). – SPb., 1907. – Pereizd. – Alma-Ata, 1991. – 125 s.